

УДК 34.01+342

ЗАКРЕПЛЕНИЕ В КОНСТИТУЦИИ В КАЧЕСТВЕ КОНСТИТУЦИОННОЙ ЦЕННОСТИ РОССИЙСКОЙ КОНСТИТУЦИОННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Виноградова Елена Валерьевна,

д-р юрид. наук, профессор,

e-mail: evigpran@igpran.ru,

Институт государства и права РАН, г. Москва, Россия

В статье рассматриваются вопросы национальной идентичности, ставшей частью системы конституционных ценностей РФ, отмечается возможность участия в международных отношениях широкого круга негосударственных субъектов, что влияет на расстановку сил на мировой арене, обосновывается необходимость существования системы ценностей, определяющих идентичность каждого государства.

Ключевые слова: конституция, идентичность, ценности, идеология, традиции

ENSHRINEMENT OF THE RUSSIAN CONSTITUTIONAL IDENTITY IN THE CONSTITUTION AS A CONSTITUTIONAL VALUE

Vinogradova E.V.,

Doctor of Law, Professor,

e-mail: evigpran@igpran.ru,

Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

The paper discusses the issues of national identity, which has become part of the system of constitutional values of the Russian Federation. The possibility of participation in international relations of a wide range of non-state actors is also noted, which affects the balance of power on the world stage. The need for the existence of a system of values that determine the identity of each state is justified.

Keywords: constitution, identity, values, ideology, traditions

DOI 10.21777/2587-9472-2021-3-26-29

Обсуждение предложенных Президентом Российской Федерации в 2020 году поправок в Конституцию создало информационный повод для актуализации интереса к таким важнейшим вопросам, как суверенитет, территориальная целостность, национальная идентичность. Интеграционные процессы, ставшие основой для глобализации, способствующие переплетению и объединению многих государственных институтов, происходят в направлении, предполагающем возможность снижать значимость государственной поддержки вопросов обеспечения суверенных интересов государства. Следствием становится возникновение глобальной экономики, ассимиляции культуры, что приводит к формированию ценностей, которые сейчас называют общечеловеческими. Однако такое единство сталкивается с существенными препятствиями, не создавая ожидаемой стабильности и доказывая важность защиты суверенных идейных ценностей. Усиление глобальной взаимосвязанности породило также и ряд глобальных проблем [1]. Их решение требует транснациональной координации и сотрудничества, часто через международные организации, такие как Организация Объединенных Наций. Помимо этого, современная система международных отношений предполагает возможность участия негосударственных субъектов в дипломатии, что требует перераспределения баланса сил. Из этого следует и пересмотр существующих международно-правовых норм, так как некоторые понятия, о которых говорилось выше, поменяли свое определение, а также, поскольку образовались новые субъекты международных отношений, положение которых регулируется только внутренним законо-

дательством. В настоящее время негосударственные субъекты могут превышать международное влияние суверенных государств.

Особую актуальность в этой связи обретает концепция «столкновения цивилизаций» Сэмюэля Хантингтона [2], опубликованная в журнале *Foreign Affairs* после распада СССР. Главным образом, она несла функцию успокоения жителей Запада, для которых привычная поляризация мира на «мы» и «они» потеряла свой смысл. Концепция обладает рядом недостатков, и нельзя однозначно сказать, что она применима к современным международным отношениям.

Например, в то время как Хантингтон разделяет христианскую культуру на три цивилизации, под африканской понимается одна, даже без учета влияния на Африку ислама. Исламскую цивилизацию тоже проблематично рассматривать в качестве монолита с единым набором ценностей, тогда как даже радикальное ответвление ислама – фундаментализм – имеет несколько версий. Также важно указать, что международные конфликты, особенно современные, несводимы к столкновению цивилизаций в том виде, в каком об этом писал Хантингтон.

Для того чтобы страны могли развиваться и поддерживать миропорядок, необходимо выстроить систему ценностей, определяющую идентичность каждого государства.

Идеи и ценности представляют собой общие принципы и закономерности, в соответствии с которыми элиты в любой ситуации способны принимать политические решения. Ценности, которыми руководствуются субъекты политических процессов, являются глубокими и универсальными, их формирование происходит с принятием многоаспектности любой политической ситуации, несводимости ее к какой-либо из двух крайностей. Наличие характерных идей и ценностей также позволяет выстраивать градацию существующих интересов.

Идеология же, параллели с которой иногда проводят с понятием «идентичность» [3], называя эти понятия взаимообусловленными, является конструктом более жестким, способным ограничивать возможности рамками догм. Причем в данном случае не имеет значение, состоит ли она из ложных пониманий мировых процессов или из нейтральных наборов свойств, качеств, представлений о мироустройстве. В условиях идеологического противостояния даже хорошие идеи, предлагаемые противником, отвергаются, так как они априори выходят за рамки идеологии, признанной приемлемой. Возможна и обратная ситуация, при которой очевидно непродуманная или заведомо неэффективная идея, вписывающаяся в идеологию, будет иметь поддержку среди сторонников. Таким образом, опора на идейно-ценностные ориентиры позволит действовать более гибко, в то время как идеологическое превосходство не терпит компромиссов и выстраивается в рамках конкретной линии.

Однако ценности имеют и прямое отношение к идеологии, формируя ее измерения. Идеология же, в свою очередь, будучи структурной категорией, способна устранить внутренние конфликты между идеями.

С.А. Караганов говорил о том, что с наступлением нового тысячелетия начался процесс трансформации ценностей: восприятие победы западных идеалов, подкрепленное военным превосходством США в направлениях Афганистана, Ирака и Ливии, отошло на второй план. Привлекательность таких идеалов также снизилась после кризиса 2008 года на фоне успеха китайской экономической модели и после событий «арабской весны» [4].

Запад стал постепенно отходить от христианских ценностей и начал навязывать несвойственные себе идеи мультикультурализма, чрезмерную терпимость, прагматизм, пацифизм.

Современная идеология, идущая наперекор Западу, по мнению С.А. Караганова, может являться временным явлением, реакцией на агрессивный экспорт демократии. Возможные причины кроются в отсутствии перспектив такого направления или неспособности большинства стран перенять и адаптировать такие идейно-ценностные установки, как это было в Иране в период правления Мохаммеда Резы Пехлеви.

Идеи и ценности влияют на используемые механизмы создания национального имиджа и оценки существующих видений мира и развития, оказывая влияние на международные отношения. Если ранее это могло воплощаться в ведении националистической или шовинистской политики, то сегодня это влияние становится глубже.

Так, сторонник теории системности М. Каплан отстаивал концепцию различия интересов и ценностей и их связей с научным и систематическим изучением международных отношений в международ-

но-политических системах и происходящих в них процессах. Ученый не ограничивал концепцию идей рамками национальных интересов и исследовал, как групповые и индивидуальные интересы соотносятся с ценностями, которые национальные лидеры должны учитывать при выработке внешней политики [5].

В XXI веке борьба с терроризмом привнесла новые нормы в международное сообщество. Наиболее важной из них является распространение интервенционизма, вызванного борьбой с глобальным терроризмом [6]. Интервенционизм ослабил способность государств полагаться на принцип суверенитета для защиты от иностранного вмешательства. Это побуждает такие государства, как, например, Северная Корея, применять военное сдерживание против агрессии. В этом ключе также можно привести пример разработки иранской ядерной программы, которая встречает сильное сопротивление со стороны Запада и прозападных государств.

Каждая страна имеет особенные, традиционные только для нее моральные и нравственные скрепы, которые формируют ее идентичность. Для России это имеет особое значение, так как усиление влияния идей, сформировавшихся в рамках западноевропейских моделей, зачастую противоречит внутренним «корневым» устоям, основанным на православии. Православие, определяя жизнь человека, сопровождало его от рождения до смерти, воспитывая душу [7]. Для России поиск правды жизни не ассоциирован с целесообразностью, поэтому правда – не регламент поведения, а тяга к добру и справедливости. Заповедный текст Русской Правды отражает слияние религиозных, нравственных и юридических начал. Академик А.А. Корольков отмечает, что «...в русском сознании право становилось синонимом правоты, правды и даже праведности, а в западном – более сближалось с законностью, формальной упорядоченностью» [8].

Для современной России естественно, что сохранение правовых традиций имеет целью сохранить устои, лежащие не только в основе морали, но и нравственные начала в социальной жизни. В свое время В.О. Ключевский отмечал: «Вековыми усилиями и жертвами Россия образовала государство, подобного которому по составу, размерам и мировому положению не видим со времени падения Римской империи» [9]. Именно эти аргументы позволили включить в конституционный текст положение о важности сохранения общероссийской культурной идентичности. Противопоставляя традиционные российские ценности стремлению оправдать метафизическое разложение внутреннего единства суверенитета как основы государственной субъектности, расчленения государственного суверенитета на функциональные суверенитеты, что может иметь целью предоставление «суммарного» суверенитета наднациональным системам. Государственный суверенитет должен обладать такой степенью независимости, основанной на многовековой традиции страны, при которой имеется возможность сохранять то истинное и ценное, что определяет ее идентичность, трансформируя его в правовые категории. Митрополит Киевский Иларион еще в XI веке в «Слове о законе и благодати» вскрыл с глубокой психологической точностью разницу между данной благодатной душе истиной и формальным законом (тенью). Отечественные нравственно-правовые традиции основаны на историко-правовых моделях, и их сознательная интеграция в мировые концепции предполагает возможность развития внутри системы правовых парадигм, включаясь в этот процесс на равных. На наш взгляд, в этом заключается смысл государственного суверенитета, предопределяющего равенство правосубъектности и в политике, и в праве.

Для современной России подход к восстановлению и укреплению идентичности обуславливает запуск процессов «перезагрузки» в поиске теоретических моделей и детерминирует обновление его правовых основ, прежде всего, конституционно-правовых. Опора на многовековой исторический опыт позволяет российской государственности сохраняться в сложный период. Роль и влияние собирателей земель русских, к числу которых, безусловно, можно отнести Александра Невского, в данном контексте важны не только в формате исследования исторического наследия, но и в установлении его влияния на российскую идентичность, ставшую частью системы конституционных ценностей.

Список литературы

1. Гезалов А.А. Глобальные проблемы и их место в концепции устойчивого развития // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. – 2009. – № 4. – С. 70–80.
2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: АСТ, 2003. – 603 с.

3. Волков Ю.Г. Идеология и идентичность: дискурс противопоставления // Общество и право. – 2006. – № 4 (14). – С. 7–14.
4. Караганов С.А. Новая идеологическая борьба? // Вестник РУДН. Серия: Международные отношения. – 2016. – Т. 16, № 3. – С. 405–411.
5. Kaplan M.A. System and Process in International Politics. – U.K.: ECPR Classics, 2008. – 260 с.
6. Ikenberry G.J. The future of the liberal world order internationalism after America // Foreign Affairs. – 2011. – Vol. 90, No. 3. – P. 56–68.
7. Сальников В.П., Масленников Д.В., Захарцев С.И., Прокофьев К.О., Морозов А.И. Принцип суверенности государственно-правовой идеологии и философии права // Мир политики и социологии. – 2019. – № 9. – С. 172.
8. Корольков А.А. Философия права: западноевропейская и русская традиции // История философии права: монография / А.Л. Альбов [и др.]; отв. ред.: А.Л. Альбов, Д.В. Масленников, ВЛ. Сальников. – СПб.: Юридический институт: Санкт-Петербургский ун-т МВД России, 1998. – С. 634.
9. Ключевский В.О. Русская история. Полный курс лекций / послесл., коммент. А.Ф. Смирнова. – М.: ОЛМА-ПРЕСС: Образование, 2004. – С. 42.

References

1. Gezalov A.A. Global'nye problemy i ih mesto v koncepcii ustojchivogo razvitiya // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. – 2009. – № 4. – S. 70–80.
2. Huntington C. Stolknovenie civilizacij / per. s angl. T. Velimeeva, Yu. Novikova. – M.: AST, 2003. – 603 s.
3. Volkov Yu.G. Ideologiya i identichnost': diskurs protivopostavljeniya // Obshchestvo i pravo. – 2006. – № 4 (14). – S. 7–14.
4. Karaganov S.A. Novaya ideologicheskaya bor'ba? // Vestnik RUDN. Seriya: Mezhdunarodnye otnosheniya. – 2016. – Т. 16, № 3. – S. 405–411.
5. Kaplan M.A. System and Process in International Politics. – U.K.: ECPR Classics, 2008. – 260 s.
6. Ikenberry G.J. The future of the liberal world order internationalism after America // Foreign Affairs. – 2011. – Vol. 90, No. 3. – P. 56–68.
7. Sal'nikov V.P., Maslennikov D.V., Zaharcev S.I., Prokof'ev K.O., Morozov A.I. Princip suverenosti gosudarstvenno-pravovoj ideologii i filosofii prava // Mir politiki i sociologii. – 2019. – № 9. – S. 172.
8. Korol'kov A.A. Filosofiya prava: zapadnoevropejskaya i russkaya tradicii // Istoriya filosofii prava: monografiya / A.L. Al'bov [i dr.]; отв. red.: A.L. Al'bov, D.V. Maslennikov, VL. Sal'nikov. – SPb.: YUridicheskij institut: Sankt-Peterburgskij un-t MVD Rossii, 1998. – S. 634.
9. Klyuchevskij V.O. Russkaya istoriya. Polnyj kurs lekcij / poslesl., komment. A.F. Smirnova. – M.: OLMA-PRESS: Obrazovanie, 2004. – S. 42.